

61-3
3859

Министерство просвещения РСФСР

АРЗАМАСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

1961

// Л. Н. Толстой. Учебно-методическое
пособие. - Арзамас, 1961. - 160 с.

Е. В. БОРОБЬЕВ,

доцент, кандидат исторических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Прошло 50 лет со дня смерти Л. Н. Толстого, но внимание и интерес к толстовскому творчеству, которое являлось «страшной обвинительной речью против лжи цивилизации», против угнетения народа, против церкви и всего буржуазно-помещичьего строя России, против войн и человекоубийства, как и прежде, безграничны.

И в нашей стране, и за рубежом литературное наследие Л. Н. Толстого стало достоянием миллионных масс, интерес к нему становится еще большим сейчас в связи со знаменательной юбилейной датой. Произведения великого писателя с увлечением читаются молодежью, читаются или перечитываются людьми старшего поколения. Все они хотят глубже осмыслить или переосмыслить значение сильных и слабых сторон в творчестве и учении Л. Н. Толстого, руководствуясь при этом оценкой, которую дал В. И. Ленин Л. Н. Толстому и как художнику, и как мыслителю.

В стремлении правильно понять гениальное творчество Л. Н. Толстого, полное противоречивых сторон, читателю помогает издававшаяся ранее и издающаяся сейчас критическая литература. Много своеобразного и поучительного мы находим в разнохарактерных оценках Л. Н. Толстого, высказанных в статьях, произведениях и письмах русских критиков и писателей: Н. А. Некрасова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, А. В. Луначарского, И. С. Тургенева, Н. К. Михайловского, А. А. Блока, А. М. Горького и других.

Немалый интерес представляет собой критическая литера-

тура первых послереволюционных лет, периода реакции 1907—1911 годов, когда представителями различных партий, классов и социальных групп и прослоек на разные лады высказывались мнения об отношении к первой русской революции.

В эти годы—и в связи со смертью Л. Н. Толстого, и в связи с его мучительными поисками ответа на сложные вопросы тогдашней российской действительности, и, в конце концов, в связи со стремлением понять и оценить характер и значение русской революции— творчество Л. Н. Толстого, его философия были предметом не только литературной критики, но и острой идеологической борьбы.

Примечательно, что в это время одни оказались неспособными понять Л. Н. Толстого; другие умышленно извращали подлинный смысл творчества и мировоззрения писателя, рядясь в тогу его единомышленников и вместе с тем, объявляя его, по выражению В. И. Ленина, «чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала— НАЧАЛА СОВЕСТИ»;¹ третьи—опровергали и разоблачали такого рода выступления либерально-кадетского толка, но, не поняв характера, движущих сил и значения первой русской революции, не смогли преодолеть своего ошибочного представления и в оценке исторического места Л. Н. Толстого как художника и как мыслителя.

В связи с этим необходимо особо остановиться на оценке Л. Н. Толстого, данной Г. В. Плехановым в статьях: «Симптоматическая ошибка», «Толстой и природа», «Отсюда и досюда», «Карл Маркс и Лев Толстой» и др., написанных в 1907—1911 годах.

Оценка Л. Н. Толстого Г. В. Плехановым заслуживает особого внимания уже потому, что последний в развитии философской мысли представляет собою колоритную фигуру. Он явился одним из видных теоретиков марксизма в период распространения марксизма и возникновения первых марксистских и революционных рабочих организаций в России. Его произведения: «Наши разногласия», «Социализм и политическая борьба», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др. сыграли выдающуюся роль в развитии рабочего революционного движения.

В. И. Ленин специально обращал внимание молодых ком-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 341.

мунистов на то, что «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать—именно ИЗУЧАТЬ— все написанное Г. В. Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма», и далее указывал, что все статьи Г. В. Плеханова по философии, собранные и изданные особыми томами, должны войти «в серию обязательных учебников коммунизма».²

Такая высокая ленинская оценка философского наследия Г. В. Плеханова обязывает нас ближе познакомиться с его статьями о Л. Н. Толстом и разобраться в том, что правильно подмечено и оценено им в творчестве и мировоззрении великого писателя и что следует отметить, как ошибочное и одно-стороннее.

При этом надо иметь в виду, что статьи о Л. Н. Толстом были написаны в то время, когда Г. В. Плеханов пошел на «сближение» с большевиками, выражал свое «...общее сочувствие взглядам большинства»³ и выступал с критикой против меньшевиков, ликвидаторов и других оппозиционных партий.

Первые годы после поражения революции 1905—1907 гг. были годами временного, преходящего «торжества» реакционной идеологии. Они были вместе с тем годами острой борьбы В. И. Ленина и руководимой им большевистской партии против попыток российских махистов, именовавших себя «эмпириокритиками», отвергнуть марксизм, встать над великим учением научного коммунизма, «усовершенствовать» его, обезоружить трудящиеся массы в теоретическом отношении и, в конечном счете, свернуть их революционную борьбу на гибельный путь.

Это было, по определению В. И. Ленина, «трудное время, когда в задачу социал-демократов входило разоблачить и дать отпор не только открытым врагам марксизма, но и «оговорочным» людям, и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо или косвенно буржуазно-монархическую идеологию «Задача дня,—говорил В. И. Ленин,—копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского мировоззрения и надстроек, сему мирозерцанию соответствующих».⁴

Будучи беспредельно последовательным и беспощадным

² В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 73.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 315.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 343.

в борьбе с врагами научного коммунизма. В. И. Ленин с величайшим негодованием бичевал беспринципное поведение оппортунистов. Эта критика была направлена также и против либерально-кадетских, меньшевистских и прочих оппортунистических оценок Льва Толстого, которые высказывали в то время в официальной прессе В. Базаров, Потресов и К^о, называя всего без исключения Л. Н. Толстого своей «совестью» и совершенно замалчивая слабые стороны мировоззрения Л. Н. Толстого.

Эмпирокритикам специально понадобилось воспеть заблуждения Толстого, как последователя феербаховских морально-этических взглядов, которые уже давно были опровергнуты и отвергнуты представителями научного коммунизма, как субъективно-идеалистические.

Буржуазные поклонники ратовали будто бы за «цельность» взглядов в оценке Л. Н. Толстого, на самом же деле им нужно было не то великое, что писатель с огромной творческой силой и гениальностью отразил в своих художественных произведениях и своем противоречивом мировоззрении, а совсем наоборот: ими руководило одно желание—взять к себе на вооружение лишь вредную проповедь общечеловеческой толстовской морали.

В. И. Ленин, выражая свое отношение к Л. Н. Толстому, писал о совпадении своих взглядов со взглядами Г. В. Плеханова, когда речь шла о критике ликвидаторов-оппортунистов, пытавшихся «дополнить» научный социализм Маркса толстовским христианским реакционным «социализмом».

Известно, что В. И. Ленин положительно отнесся к статьям Г. В. Плеханова о Л. Н. Толстом «Заметки публициста» и «Карл Маркс и Лев Толстой».

На наш взгляд, эта высокая оценка В. И. Лениным статей относится лишь к той части их, где Г. В. Плеханов резко критикует попытки оппортунистов, ставших на путь идеализма, эклектически соединить научный коммунизм Маркса—Энгельса с учением Л. Н. Толстого, которое было, «безусловно, утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и самом глубоком значении этого слова».⁵

Г. В. Плеханов в 1907 году опубликовал в органе левых кадетов «Товарищ» статью «Симптоматическая ошибка», в которой клеймил позором оппозиционную прессу, в частности,

кадетские газеты—«Русские ведомости», «Речь», «Товарищ» и ряд других либеральных органов, поместивших на своих страницах в канун 79-летия со дня рождения Л. Н. Толстого его статью «Не убий никого». Г. В. Плеханов обрушился на эти органы за их низкопоклонство перед учением Льва Толстого. В статье «Симптоматическая ошибка» Г. В. Плеханов высоко ценит Л. Н. Толстого как художника, как великого писателя русской земли, которым «русская земля имеет право гордиться и обязана любить его», и подчеркивает, что «самый факт появления в нашей многострадальной России таких писателей служит нам одним из ручательств за ее лучшее будущее».⁶

И в то же время Г. В. Плеханов справедливо критикует оппозиционную печать за то, что величие талантливого художника не дает ей права разделять признание лозунга «Не убий никого», выражающего крайне реакционное убеждение писателя, который в своем мировоззрении не смог с исторических позиций понять и объяснить явления общественной жизни и стал на путь призыва к нравственному самоусовершенствованию.

Несомненно, правильна и воинственная по своему содержанию критика Г. В. Плехановым телеологической точки зрения Л. Н. Толстого, высказанной писателем в сборнике мыслей и афоризмов «Спелые колосья», а также в «Исповеди», «В чем моя вера?» и других произведениях, написанных им в последний период жизни.

Реакционной в мировоззрении Л. Н. Толстого является проповедь христианского учения «Не противьтесь злу», поняв которую, люди якобы обретают способность разобраться в сложных вопросах действительности и находят путь к счастью.

Г. В. Плеханов обнажил философские корни толстовской проповеди и с материалистических позиций опроверг характерную сторону его учения—противопоставить «дух»—«телу», внутренний мир человека—окружающему его внешнему миру. Л. Н. Толстой фактически противопоставляет сознание бытию, провозглашает независимость сознания от бытия. У Л. Н. Толстого, как у художника-реалиста, появляются проблески признания зависимости психического от материальных условий, но в целом он находится в плену идеализма, из которого он выводит свой принцип «непротивления злу» и требование

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 32.

⁶ Г. В. Плеханов. Сочинения, 1926 г., т. XV, стр. 351.

подчинить «телу» «духу». В своем обращении «К рабочему народу» Л. Н. Толстой высказывает крайне реакционные и потому сугубо вредные утверждения о том, что причины бедственного своего положения люди должны искать не во внешних условиях, а в себе самих. И отсюда апология пассивности и призыв—«не живи дурно» сам, делай людям добро, и все само собой хорошо устроится.

В книге «Спелые колосья» Л. Н. Толстой из этой же проповеди выводит свои непротивленские правила: «никого ни в чем нельзя укорять, никого нельзя осуждать», что фактически означает: относись ко всему скептически, не вмешивайся активно в жизнь—пусть все будет тем, чем оно было до сих пор и т. д.

Нельзя мириться с этой гнилой толстовской проповедью и не отвергать ее от начала до конца, что и делает Г. В. Плеханов.

Но вряд ли можно на основании наличия непротивленского начала в учении Л. Н. Толстого считать не имеющим смысла выступление его со статьей «Не могу молчать», написанной в связи с казнью в 1908 году в Херсоне 20 крестьян и получившей широкое распространение и горячее одобрение как в русской, так и в зарубежной прессе.

Г. В. Плеханов в данном факте выступления Л. Н. Толстого усматривает лишь временное отступление писателя от своего идеалистического миропонимания, а не страстную критику социального зла, порожденного капитализмом, и не отрицание его с позиций патриархального крестьянства, идеологом и выразителем интересов которого выступает писатель после пережитого им «духовного кризиса».

Здесь, как и в других своих статьях, Г. В. Плеханов,—материалист и диалектик,—явно уступает метафизическому методу и, находясь в его тенетах, оказывается неспособным подняться до глубокого диалектического анализа социальной эпохи, выявить истоки и внутреннюю сущность ее непримиримых противоречий и обнаружить перспективу их разрешения.

Именно это непонимание глубокого смысла событий, происходящих в России после революции 1905—1907 гг., и психологии антагонистических классов и привело Г. В. Плеханова к ошибочным утверждениям, что Л. Н. Толстой мог изображать жизнь только с «дворянской» точки зрения и «смо-

треть на народ тем безучастным взглядом, каким глядят на стены...»⁷

В оценке Г. В. Плеханова отчетливо видно упрощенчество: он не заметил коренного перелома в духовной жизни великого русского писателя. Для Г. В. Плеханова Л. Н. Толстой был и до конца остался лишь только графом, большим «барин» по происхождению и идеологом аристократии, который не способен подняться выше анализа своего внутреннего мира и изображения дворянского быта «хоть и без ложной идеализации, но все-таки со своей лучшей стороны». «Отвратительная сторона этого быта—эксплуатация крестьян помещиками,—говорит далее Г. В. Плеханов,—как бы не существовала для Л. Н. Толстого».⁸

Желая убедить читателя в правильности своего силлогизма, Г. В. Плеханов доходит в своих статьях о Л. Н. Толстом до употребления нелепых приемов, упрекая его за то, что он, верующий в учение Христа и защищающий его в своих трактатах, лично сам не во всем следовал этому учению и, в частности, не отказался от своих дворянских привилегий, не отдал—во имя справедливости—принадлежавшую ему землю «крестьянам, отнявши этим у своей семьи возможность роскоши и заставив ее работать», что «...он продолжал пребывать с нею в общении, отыскивая и усиливая все то, что его с нею соединяло, и стараясь отстраниться от всего, что было ему чуждо».⁹

Удивительным и странным кажется то, что Г. В. Плеханов, будучи первым русским марксистом и пропагандистом идеи необходимости ведения политической борьбы и соединения рабочего движения с научным социализмом, увлекшись анализом противоречий личной мысли Л. Н. Толстого, так одно-сторонне подошел к оценке Л. Н. Толстого и не понял того, что само по себе происхождение писателя, его имущественный ценз и принадлежность к дворянскому роду не могли мешать ему стать выразителем идеологии патриархального крестьянства и выступить с разоблачением всяческого насилия и с защитой угнетенных.

Л. Н. Толстой в своих произведениях поднимал многие вопросы демократии и социализма, мучительно искал пути

⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 239.

⁸ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. V, стр. 631.

⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 206.

улучшения жизни народа, хотя и не сумел достичь этого. При всей реакционности толстовское учение представляло собою своеобразный, феодально-патриархальный «социализм», в котором В. И. Ленин отмечал наличие «критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов».¹⁰

Этот толстовский «социализм» по мере утверждения капиталистического строя все более терял практический смысл, а в годы первой русской революции и позже уже нельзя было говорить о его пользе в какой бы то ни было мере, ибо в это время, по выражению В. И. Ленина, в России уже не стало «восточной» неподвижности, наступил период активного разгула реакционно-веховской пропаганды мистицизма, для которой толстовские доктрины «совести», всеобщей любви и проповедь «нравственного самоусовершенствования» и аскетизма были бы хорошей подкормкой.

И мы можем сказать, что не защита барской идеологии, как это утверждает Г. В. Плеханов, а жажда достижения социальной гармонии, хоть и неверным путем, лежит в основе творчества и мировоззрения Л. Н. Толстого.

В этой связи уместным будет отметить, что несправедливым упреком Л. Н. Толстому звучит обвинение его Г. В. Плехановым в крайнем индивидуализме, которое идет опять-таки от чрезмерного увлечения критика анализом мыслей писателя, а не от стремления определить его историческое место и роль в русской и мировой литературе и как художника и как мыслителя. В оценке Г. В. Плеханова, — «Л. Толстой — один из самых гениальных и самых крайних представителей индивидуализма».¹¹ В другой статье Г. В. Плеханов характеризует мировоззрение Л. Н. Толстого, как «чистейший индивидуализм», которым объясняется, между прочим, «и страх смерти, сыгравший «такую огромную роль в учении Толстого».¹²

Нельзя согласиться с Г. В. Плехановым, видевшим, например, в факте неприятия Л. Н. Толстым природы Швейцарии выражение крайнего индивидуализма писателя.

Не вернее ли было бы увидеть в данном факте проявление безгранично широкой натуры художника, оказавшейся способной увидеть и описать красоту Швейцарии, но не слившей-

¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 28.

¹¹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. V, стр. 611.

¹² Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. V, стр. 633.

ся с ней в единое целое в своем любовании ею. Л. Н. Толстой, действительно, чувствовал себя там «чужаком», в памяти которого зримо оживали необычайные красоты его родины. И его неприятие прелестей Швейцарии определяет не фанатизм, не уход в себя, не отрешение от земного, а, наоборот, кровная связь с родной землей, силу и сладость которой он впитал в себя глубоко, и она не позволяет ему почувствовать «себя частью этого всего бесконечного и прекрасного целого» и смотреть на окружающую его природу Швейцарии иначе, чем на «пустынную, сырую площадку».

Г. В. Плеханов утверждает, что толстовский индивидуализм сказался не только в его отношении к природе, но и в его художественных произведениях и будто все тот же индивидуализм явился основой ума и характера Л. Н. Толстого, толкавшей его на путь поисков убеждения в бессмертии не души, а тела, что «...едва ли не величайшей трагедией его жизни явилась та очевидная истина, что такое бессмертие невозможно».¹³

Такая оценка миропонимания Л. Н. Толстого обедняет, сужает его значение как писателя и как мыслителя. Индивидуальные черты психологии Л. Н. Толстого, несомненно, отразились на его учении и в какой-то степени определяли его мучительные поиски ответов на коренные вопросы мирозерцания.

Однако эти поиски, высказанные вслух, не помешали великому писателю подняться выше индивидуалистических предубеждений.

Именно об этой стороне творчества Л. Н. Толстого говорит В. И. Ленин, когда характеризует толстовство не как результат индивидуализма писателя, а как отражение идеологии широчайших крестьянских масс переломного периода в истории России между крестьянской реформой 1861 года и первой русской революцией 1905—1907 гг.

В. И. Ленин говорит, что 1905 год «принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей эпохе, которая могла и должна была породить учение Л. Толстого не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени».¹⁴

¹³ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. V, стр. 612.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 31—32.

Психология же крестьян (в широком ее смысле), отраженная Л. Н. Толстым в его творчестве, отличалась при всем страхе перед «земными» и «всевышними» властелинами не только осознанием ими безысходности своего положения, но и желанием выстоять, пересилить, одолеть трудности и отстаивать свои права на существование. «Толстой,—говорит В. И. Ленин,—отражает их настроения так верно, что сам в своем учении вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бес- сильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние—вот что слилось в учении Толстого».¹⁵

Все это дает нам основание видеть в творчестве Л. Н. Толстого не торжество индивидуализма и страха перед смертью, а, наоборот, преобладание жизнеутверждающих начал. Индивидуалист не мог бы подняться до тех огромных по своим масштабам художественных обобщений, которые характеризуют героев произведений и сами произведения Л. Н. Толстого.

Г. В. Плеханов неоднократно упрекал гениального писателя во враждебном отношении к освободительному движению, но Л. Н. Толстой не мог не понять и пером великого художника не отразить в своем творчестве хотя бы в какой-то степени чувство возмущения народных масс несправедливостью действий эксплуататорских классов и не высказать своей симпатии к тем, кого народные массы выделяли из своей среды в качестве «протестантов», своих идеологов и вожakov борьбы за интересы народные.

От взора великого художника не ушла цельность натур и последовательность действий участников освободительного движения, которые, познав истинность величия своей освободительной роли, никогда не изменяют ей, ибо ими руководит не простое и не пустое чувство жертвенности, а убежденность и вера в правоту своих благородных деяний. Разве не об этом языком самого Л. Н. Толстого говорит Нехлюдов, сначала видевший в деятельности революционеров только разрушительные акты, «жестокость и скрытность приемов», но потом пришедший к выводу, что они «безвинно перестрадали от правительства... что они не могли быть иными, как такими, какими они были».

Стало быть, не графское социальное происхождение и по-

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 302.

ложение, не противопоставление «вечного»—«временному», «духа»—«телу», о которых многократно упоминает Г. В. Плеханов, характеризуют в конечном счете творчество и мировоззрение Л. Н. Толстого, а горячий протест, страстное обличение и «беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедий суда..., одичалости и мучений рабочих масс...», в которых сказывался замечательный толстовский «... самый трезвый реализм».¹⁶

Л. Н. Толстой далек от понимания классового содержания искусства, как одной из форм общественного сознания. Тем не менее он—противник лживого искусства эстетов, служащего утехой класса имущих. Он ратует за искусство человеческое, надклассовое, которое бы служило интересам людей всех классов и национальностей, которое бы обеспечивало всеобщее братство, единение всех людей. Такое понимание писателем назначения искусства утопично, а стало быть, и неприемлемо, но оно является выражением чаяний миллионных масс трудящегося народа, жаждавших свободы и счастья, но не видевших пути их достижения.

И Л. Н. Толстой не просто выразил эту идеологию трудящихся масс, оставаясь при этом сторонним наблюдателем, но сам глубоко жаждал этого. Его проповедь всеобщей любви и братства вредна, но она льется не из уст какого-то продажного писаки, находящегося в услужении у господствующих классов того времени. Это голос писателя-реалиста, любившего народ и вместе с ним наивно верившего в добрые отношения между людьми разных классов и наций.

Сопоставление В. И. Лениным имени Льва Толстого с революцией—образец глубокого материалистического анализа творчества великого писателя и своеобразия социальной значимости первой русской революции.

Изучая Л. Н. Толстого, мы ясно видим, что это не просто граф, не просто дворянский писатель, что, «как ни прикрываясь христианством», он, «несомненно, сочувствует революции».¹⁷

Ярким подтверждением ленинского анализа служат дневниковые записи самого Л. Н. Толстого, в которых, несмотря на присутствие мотива непротивления, наличествует трезвый

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 180.

¹⁷ См. «Дневники Софьи Андреевны Толстой», 1897—1909 гг. изд. «Север», М., 1932 г., стр. 242.

взгляд на исторические явления, к каковым относится русская революция, и на ту неизгладимую благотворную борозду, которую она сделала в сознании трудящихся масс и в истории в целом.

Бог они:

«Революция сделала в нашем русском народе то, что он вдруг увидел несправедливость своего положения. Это—сказка о царе в новом платье. Ребенком, который сказал то, что есть, что царь голый, была революция. Появилось в народе сознание претерпеваемой им неправды, и народ разнообразно относится к этой неправде (большая часть, к сожалению, с злобой); но весь народ уже понимает ее. И вытравить это сознание уже нельзя...»¹⁸

Итак, ясно, что колебания Г. В. Плеханова в понимании и оценке событий начала нашего XX-го столетия, обусловленные его колебаниями между диалектикой и метафизикой, привели критика фактически к непониманию и отрицанию реализма в творчестве Л. Н. Толстого.

Если бы Г. В. Плеханов руководствовался в оценке Л. Н. Толстого марксистско-ленинской теорией отражения, он смог бы увидеть ту социальную эволюцию великого писателя, которая привела его к разрыву со своим классом и переходу на позиции патриархального крестьянства.

Г. В. Плеханов, как мы видим, занимаясь анализом лишь сферы личной мысли Л. Н. Толстого, уродливо отразил в своих статьях сущность творчества и мировоззрения писателя, не заметив богатства критического содержания и напряженного по своей страстности обличительного пафоса его великих произведений. В своих статьях он даже не пытался раскрыть объективный смысл напряженных идейных исканий Л. Н. Толстого.

Естественно, что такую одностороннюю оценку Л. Н. Толстому мог дать лишь критик, нигилистически настроенный, не видевший и не желавший видеть настоящей правды жизни, который, несмотря на целый ряд высказанных им правильных положений в статьях о Л. Н. Толстом, все же не мог отрешиться от ошибочной оценки великого художника русской литературы. И в связи с этим как бы невольно вспоминаются слова Романа Роллана о том, что к большим местам Л. Н.

Толстого, то-есть к его ранам совести, таящим в себе дух непримиримых противоречий, надо прикасаться «осторожней и благоговейной рукой», но, конечно, не для сочувствия Л. Н. Толстому в его ошибках, а для того, чтобы не допустить оскорбления имени гениального писателя и не скатиться на путь вульгаризаторства в оценке его мировоззрения и художественного творчества.

Не в слепом и безжалостном отрицании Л. Н. Толстого заключена глубокая правда понимания его гения, а в определении историзма этой исключительно сложной и маститой фигуры, которая явила собой целое событие, необычайное и великое и с точки зрения своего художественного таланта и с точки зрения познавательной, как отражение, как «зеркало русской революции», сущности которой он так и не понял до конца своей жизни.

В отличие от всякого рода упрощенческих взглядов, в том числе и от взглядов Г. В. Плеханова, не сумевшего раскрыть земных социальных истоков учения Л. Н. Толстого, В. И. Ленин в своей оценке художественного творчества и миропонимания великого писателя утверждал живую связь произведений и учения Л. Н. Толстого с российской действительностью полувекового периода после крестьянской реформы 1861 года, с первой русской революцией.

В. И. Ленин учил, что глубочайшие противоречия в мировоззрении Л. Н. Толстого нельзя понять и правильно объяснить без учета того протеста угнетенных и эксплуатируемых, порожденного русской патриархальной деревней и с неудержимой силой нараставшего и проявившегося против капитализма.

Будучи детищем эпохи огромных социальных сдвигов в России, Л. Н. Толстой отразил в своих произведениях всю силу и слабость крестьянского движения, глубокую ненависть крестьян, их стремление смести до основания казенную церковь, помещиков и помещицье правительство, уничтожить феодальное землевладение, их стремление создать на расчищенной земле обжитые свободных и равноправных людей. Вместе с тем в художественном творчестве и в учении Л. Н. Толстого отразилась «незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости»¹⁹ крестьянских масс.

Реакционная проповедь учения Л. Н. Толстого давно уже

¹⁸ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, Юбилейное издание, т. VIII, стр. 3 и 24.

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 185.

потеряла почву, но все большее звучание и значение приобретает в творчестве великого писателя обличительная сила критики капитализма, которая вдохновляла и продолжает вдохновлять прогрессивные силы на борьбу за свое светлое будущее—за мир и социализм.

В наше время, когда миллионные массы стран Азии, Африки и Латинской Америки, сбрасывая со своих плеч иго колониализма, преодолевают устои патриархальщины, великое творчество Л. Н. Толстого помогает им глубже осознать сущность социального бытия, слабые стороны своего сознания и преодолеть их в борьбе с врагами мира и прогресса.

Ныне, как никогда, правдиво звучит утверждение В. И. Ленина о том, что наследство Л. Н. Толстого не отошло в прошлое, что оно принадлежит будущему.
